

ЯКОВ КАНЯВСКИЙ

ЕСТЬ ТОЛЬКО МИГ

Книга 9

Есть только миг

Яков Канявский

**Есть только миг. Книга 9.
Разведка (продолжение)**

Издательство «Четыре»

2026

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос=Рус)6

Канявский Я.

Есть только миг. Книга 9. Разведка (продолжение) /
Я. Канявский — Издательство «Четыре», 2026 — (Есть только миг)

ISBN 978-5-908165-32-7

Эта серия книг повествует о людях, не зря проживших жизнь. Все они жили в разное время, но каждый из них чего-то добился в своей области: в науке, литературе, искусстве, политике, разведке и других областях. Серия эта является трудом многих сотен людей, писавших о конкретных героях. Автору посчастливилось найти и собрать некоторое количество данного материала. В формате PDF A4 сохранен издательский макет книги.

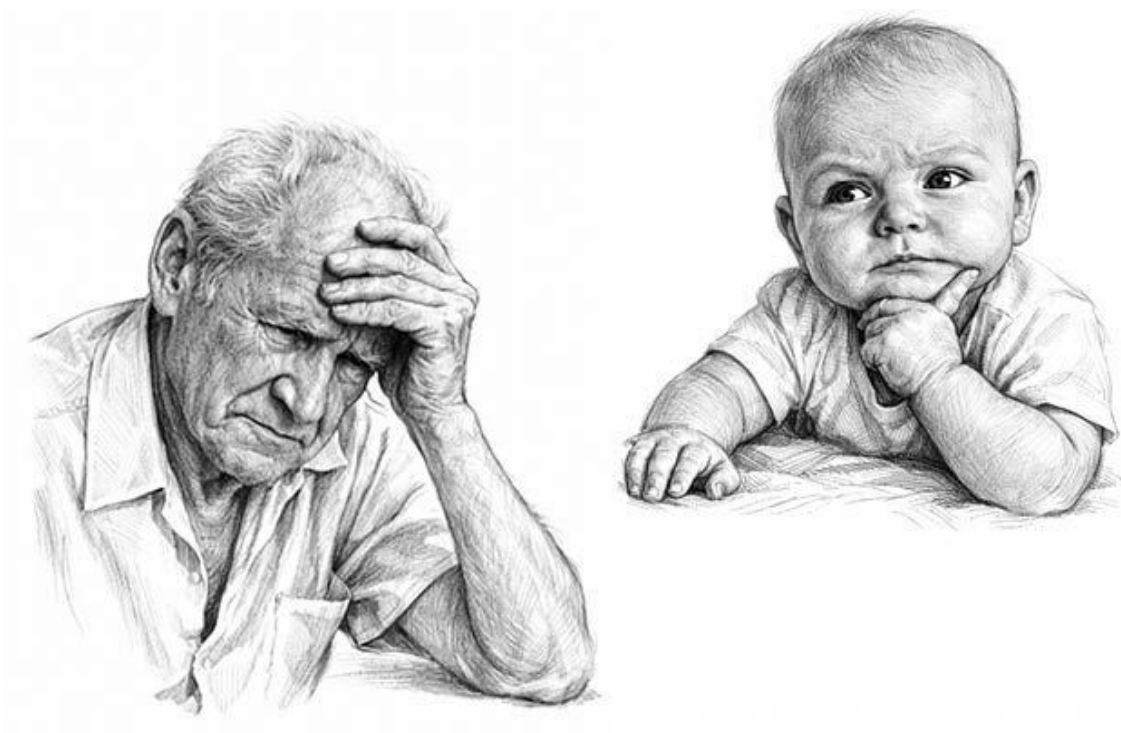
УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос=Рус)6

ISBN 978-5-908165-32-7

© Канявский Я., 2026
© Издательство «Четыре», 2026

Содержание

Глава 1. «Благодарность» родины	6
Конец ознакомительного фрагмента.	28

Яков Канявский

Есть только миг. Книга 9.

Разведка (продолжение)

© Канявский Яков, 2026

© Издательство «Четыре», 2026

*Мы больше в этот мир вовек не попадём,
вовек не встретимся с друзьями за столом.
Лови же каждое летящее мгновенье —
его не подстеречь уж никогда потом.*

Омар Хайям

Если страна нас не знала, значит, мы её не подвели.
Михаил Мукасей, советский разведчик

*При нашей системе есть лишь одна, впрочем, тоже не
гарантированная, возможность не закончить свои дни в тюрьме. Надо
не быть евреем или генералом госбезопасности.*
Наум Эйтингон, советский разведчик

Глава 1. «Благодарность» родины

Артур Фраучи родился 18 февраля 1891 года в селе Устиново Кашинского уезда Тверской губернии. Отец – Христиан Фраучи, швейцарский сыровар, по национальности итальянец. Приехал в Россию, где занимался выделкой сыра, работая в разных местах. Мать – Августа Августовна Фраучи (урождённая Дидрикиль), имела латышские и эстонские корни, один из её дедов был шотландцем. Его родители познакомились и поженились в России. Отец владел секретами приготовления множества вкуснейших сыров, и поэтому его постоянно переманивали к себе на работу разные тверские помещики.

В семье Фраучи было шестеро детей, Артур был самым старшим. Артур был любимцем матери. Ещё в детстве под её руководством он овладел французским, немецким и польским языками. Повзрослев, Артур самостоятельно выучил ещё и английский. С детства был знаком с революционерами-большевиками Михаилом Кедровым и Николаем Подвойским, которые были частыми гостями в доме Фраучи, так как были женаты на сёстрах матери. С 1906 года Артур участвовал в распространении нелегальной литературы.

В мае 1909 года окончил с золотой медалью Новгородскую классическую мужскую гимназию и поступил на металлургическое отделение Петербургского политехнического института имени Петра Великого, которое с отличием окончил в феврале 1917 года, после чего работал инженером-проектировщиком в металлургическом бюро профессора Владимира Грум-Гржимайло.

Вечерами юноша брал уроки вокала и готовился к поступлению в консерваторию. Дело в том, что у Артура был весьма приличный лирический тенор, и многие прочили ему карьеру оперного певца. Кто знает, как сложилась бы его судьба, если бы не неистовый большевик Михаил Кедров, муж родной сестры матери Артура. Ещё в детские годы он увлёк мальчишку идеями социал-демократии, привлекал к перевозке нелегальной литературы, а позже дал племяннику рекомендацию в партию, а затем и на работу в ЧК.

В августе 1917 года после возвращения из командировки в Нижний Тагил Артур принял решение оставить профессию инженера-проектировщика и до декабря 1917 года работал в Управлении по демобилизации армии и флота. В декабре 1917 года вступил в ряды РСДРП(б). Работа Артура Фраучи в большевистских спецслужбах началась в декабре 1917 года. Троцкий сразу назначил его начальником военно-осведомительного бюро Московского военного округа и начальником «активной части» Военного контроля Реввоенсовета РСФСР. В 1918 году Артур участвовал в установлении советской власти в северных районах страны, принимал участие в боях с английскими интервентами под Архангельском.

В октябре 1918 года Артур женился на Лидии Дмитриевне (в девичестве Слугина). В браке родилось трое детей: дочери Лидия (1919) и Нора (1920), сын Камилл (1923–1997) – известный советский скрипач и преподаватель музыки.

С января 1919 года он снова начал работать в органах госбезопасности. С согласия Дзержинского и Кедрова Артур принял новую фамилию **Артузов** – чтобы подчинённым было проще запоминать, поскольку иностранная фамилия Фраучи у многих вызывала затруднения.

На первых порах говорить о каком-то особом профессионализме Фраучи-Артузова говорить вряд ли приходилось. В 1920 году он вёл борьбу с польскими шпионами в Москве путём ареста чуть ли не всех поляков или тех, кто просто бывал в Польше. Затем его повысили и

поручили зачистить от польской шпионской сети всю территорию РСФСР. Счёт казнённых только в Москве шёл на сотни. Нормальных судебных процедур при этом не было: арестованным предъявляли обвинение в «шпионаже в пользу Польши» и через день-два расстреливали. Артузов лично утверждал списки на расстрел. Впрочем, профессионализм его быстро рос, и в скором времени он стал считаться в ВЧК мастером контрразведки самого высокого класса.

В период своей деятельности Артур Артузов руководил одновременно контрразведкой, внешней разведкой и военной разведкой, однако успех к нему пришёл после дела «Национального центра» – тайной организации, объединявшей монархически настроенную интеллигенцию и офицерство в Москве и Петрограде. Тогда летом 1919 года в ходе нескольких последовательных операций и допросов Артузову удалось взять мятежников, готовивших восстание против Советской власти.

По словам специалистов, «Особый отдел отличился в 1919 году, раскрыв „Национальный центр“. Артузов в этом принимал непосредственное участие. Это была очень серьёзная организация. Можно считать, что чекисты, раскрыв в тот период „Национальный центр“ и его боевую московскую организацию фактически спасли Советскую власть».

Далее последовательно занимал должности начальника военно-осведомительного бюро Московского военного округа и начальника активной части отдела Военконтроля Реввоенсовета республики. В январе 1919 года Артузов был назначен на должность особоуполномоченного Особого отдела ВЧК, затем последовательно занимал должности заведующего Оперативным отделом Управления Особого отдела ВЧК, с января 1921 года – помощника начальника Особого отдела ВЧК, с июля того же года – заместителя начальника Особого отдела ВЧК – ОГПУ РСФСР.

Летом 1920 года ездил на Западный фронт с широкими полномочиями (право контроля работы особых отделов фронта и армий). На весну и лето 1920 года пришёлся период войны с поляками. Именно тогда раскрылся талант и организационные способности молодого чекиста.

Например, одной из важнейших операций летом 1920 года стало раскрытие польской резидентуры, которая осуществляла деятельность на всю западную часть РСФСР. Тогда под руководством Артузова организовался круг оперативных сотрудников, которых он привлёк к выявлению польских шпионов. В итоге была раскрыта подрезидентура в Петрограде, которая перешла на сторону Советской власти.

Артузов стоял у истоков создания оперативных групп контрразведки. Тогда он в качестве особо уполномоченного Особого отдела ВЧК на Западном фронте проводит ряд масштабных операций против польской разведки, к слову, до 1935 года считавшейся главным врагом для ВЧК и ГПУ.

18 июля 1921 года Президиумом ВЦИК А. Х. Артузов был награждён орденом Красного Знамени.

В июле 1922 года Артузов был назначен начальником новосозданного Контрразведывательного отдела (КРО) Секретно-оперативного управления (СОУ) ГПУ/ОГПУ. Возглавляя КРО, Артузов руководил контрразведывательной операцией по поиску монархистов и антибольшевиков.

Тогда, в ходе крупнейшей в начала века операции «Трест», спецслужбам удалось завлечь в страну белогвардейцев и иностранных разведчиков. Чтобы осуществить это, чекистам пришлось создать фальшивую организацию антибольшевистского подполья «Монархическое объединение центральной России».

В частности, в ходе операции в Россию удалось заманить «короля разведки», английского разведчика Сиднея Рейли, ставшего потом одним из прототипов Джеймса Бонда. Рейли уволили из британской разведки после окончания Первой мировой войны. Он трудился, что называется, по вольному найму: тайными поездками в Советскую Россию просто зарабатывал деньги. Но он выдавал себя за великого шпиона, и эти игры окончились для него плачевно.

Сиднея Рейли допрашивал известный чекист Владимир Андреевич Стырне, помощник начальника контрразведывательного отдела ОГПУ. Рейли дал все показания, которые от него требовали. Но жизнь ему не сохранили. По указанию Стырне четыре чекиста во главе с Григорием Сергеевичем Сыроежкиным вечером 5 ноября 1925 года вывели Рейли за город на прогулку. Шофёр сделал вид, будто машина сломалась. Все вышли пройтись. Сотрудник ОГПУ Ибрагим Абисалов выстрелил Рейли в спину. Поскольку он ещё дышал, то Сыроежкин выстрелил ему в грудь.

Чекисты подождали ещё минут десять-пятнадцать, пока не наступила смерть. Надели на голову мешок и отвезли тело Рейли в санчасть ОГПУ, где раздели и сфотографировали (снимки сохранились). Медикам сказали, что покойный попал под трамвай. Вся эта омерзительная операция заняла три часа.

9 ноября начальник тюремного отдела ОГПУ забрал тело Рейли из морга санчасти ОГПУ и прямо в мешке приказал закопать во дворе внутренней тюрьмы ОГПУ на Лубянке.

Имя старшего майора госбезопасности Сыроежкина, удостоенного ордена Ленина и расстрелянного в феврале 1939 года, занесено на мемориальную доску Службы внешней разведки.

Артузов также участвовал в разработке и проведении ГПУ оперативной игры, направленной на ликвидацию антисоветского подполья. Целью операции, получившей название «Синдикат-2», стала ликвидация знаменитого террориста Бориса Савинкова. Кстати, Борис Савинков до революции принимал участие в подготовке убийства министра внутренних дел В. К. Плеве, московского генерал-губернатора великого князя Сергея Александровича и ряда неудачных покушений.

Савинков сделал всё, что от него требовали чекисты: публично покался и призвал недавних соратников прекратить борьбу против советской власти.

Политбюро 18 сентября 1924 года приняло директиву для советской печати: «Савинкова лично не унижать, не отнимать у него надежды, что он может ещё выйти в люди».

Но Борис Викторович надеялся на освобождение. Убедившись, что его выпускать не собираются, 7 мая 1925 года выпрыгнул из открытого окна кабинета Пилляра, хотя в комнате вместе с ним находились двое чекистов. Окна выходили во внутренний двор, так что лишних свидетелей не было.

В порядке отступления можно отметить, что во время гражданской войны в Испании работавший в этой стране видный советский разведчик Григорий Сыроежкин совершенно случайно встретился там с сыном Бориса Савинкова. Лев Борисович Савинков вырос в эмиграции, работал шофёром во Франции. С началом гражданской войны в Испании он направился добровольцем на фронт борьбы против франкистов и фашистов.

Лев Савинков отважно сражался в Интернациональной бригаде. Сыроежкин способствовал тому, что Лев Савинков стал капитаном Республиканской армии. Осенью 1938 года, накануне поражения республиканцев, Сыроежкин переправил его во Францию. Во время оккупации Франции Лев Савинков участвовал во французском движении Сопротивления и героически сражался с врагом. В августе 1944 года он в составе группы отряда «Союз русских патриотов» водрузил красный флаг над зданием советского посольства в Париже...

Чтобы проводить такие масштабные операции, как «Трест» и «Синдикат-2», должен работать коллектив. Поэтому основная заслуга Артура Артузова не только в продумывании каких-то конкретных мероприятий, а в том, что он смог создать определённый коллектив, группу инициативных, думающих людей, которые способны были выдвинуть идеи и реализовать их на практике.

В частности, он привёл в иностранный отдел более десяти контрразведчиков, которые отличились в ряде крупных операций и работали за рубежом. Они составили костяк советской резидентуры, которая имела хорошие позиции в странах Европы.

Летом 1927 года Артузов был назначен по совместительству вторым помощником начальника секретно-оперативного управления ОГПУ Генриха Ягоды, а уже через 4 месяца, в ноябре, он был освобождён от работы в КРО. Работал в СОУ ОГПУ.

1 января 1930 года Артузов был назначен на должность заместителя начальника ИНО ОГПУ СССР, а 1 августа 1931 года – на должность начальника ИНО и члена коллегии ОГПУ СССР. За время командования Артузовым ИНО ОГПУ провёл десятки операций, в ходе которых были задействованы десятки кадровых сотрудников и сотни агентов.

Летом 1930 года внешняя разведка органов государственной безопасности – ИНО ОПТУ – начала разработанную под руководством Артузова операцию под кодовым названием «Тарантелла». Цель операции чекистов заключалась в том, чтобы продвигать через подставную агентуру ОГПУ направленную информацию в британские руководящие круги. Главную роль в операции «Тарантелла» играл секретный сотрудник ИНО **Борис Фёдорович Лаго**, проходивший по переписке Центра под псевдонимом «Марсель».

Британская разведка вышла на «Марселя» через завербованного ею ранее эмигранта, ставшего впоследствии региональным резидентом «Сикрет интеллидженс сервис», Виктора Богомольца, который по её заданию вёл активную разведывательную работу против СССР. «Марсель» установил тесный контакт с Богомольцем, которого в течение четырёх лет снабжал специально подготовившимися на Лубянке дезинформационными материалами. Работой этого секретного сотрудника внешней разведки руководил лично Артузов, который, став через год начальником разведки, курировал уже всю операцию «Тарантелла».

По своей значимости «Тарантелла» может быть смело поставлена в один ряд с операциями «Трест» и «Синдикат».

Важным направлением работы советской разведки было германское направление.

Сотрудниками Артузова была создана агентурная сеть, поставлявшая советскому руководству ценные сведения о происходивших событиях в пришедшей к власти Национал-социалистической партии Германии, а также о деятельности ряда государственных органов и специальных служб. Во время работы Артузова в Иностранном отделе ОГПУ на советскую разведку работали знаменитые разведчики-нелегалы Фёдор Карин, Арнольд Дейч, Теодор Малли, Дмитрий Быстролетов и другие.

В начале 1932 года по предложению Артузова было решено перестроить разведывательную работу за рубежом. Ввиду острой нехватки квалифицированных кадров Артузов поставил перед руководством ОГПУ вопрос об организации специальных курсов для подготовки и переподготовки разведчиков. Эти курсы, рассчитанные на 25 человек, комплектовались специально подобранными оперативными работниками ОПТУ. Предпочтение отдавалось лицам, имевшим опыт оперативной работы и владевшим иностранными языками. Создание курсов способствовало дальнейшему повышению уровня разведывательной работы за рубежом.

Начальник внешней разведки Артузов лично прочитал на этих курсах цикл лекций, посвящённых работе советских органов государственной безопасности.

В 1933 году по инициативе Артузова была воссоздана нелегальная резидентура в Англии, руководимая знаменитым разведчиком-нелегалом Арнольдом Дейчем. Эта резидентура наладила связи со знаменитой Кембриджской пятёркой, от которой в дальнейшем широким потоком поступала информация о деятельности МИД и МВД Великобритании, об англогерманских отношениях, о положении в основных политических партиях страны, торговой политике Объединённого королевства, по другим важным вопросам. В годы Великой Отечественной от Кембриджской пятёрки регулярно поступала информация не только по Великобритании, но и по гитлеровской Германии.

В мае 1934 года Артузов был назначен по совместительству на должность заместителя начальника IV (разведывательного) управления Штаба РККА. До этого назначения у начальника IV управления Яна Берзина не было официального первого заместителя, а только помощ-

ники. Артузов при назначении оговорил право взять с собой туда ряд сотрудников ИНО ОГПУ, в числе которых наиболее видными указывают Карина и Штейнбрюка, среди остальных Борис Эльман и др.).

В мае 1935 года Артузов был освобождён от обязанностей начальника ИНО ГУГБ НКВД СССР и полностью сосредоточился на работе в Разведывательном управлении Штаба РККА.

Есть мнение, что переход Артузова с группой сотрудников в Разведупр означал ослабление ИНО ОГПУ и связано это с изменениями внешнеполитической обстановки (сближением Германии и Польши, позицией Японии), когда «значение военной разведки резко возрастало». Под руководством Артузова работали такие знаменитые разведчики как Шандор Радо, Рихард Зорге, Ян Черняк, Рудольф Гернштадт, Хаджи-Умар Мамсуров. 21 ноября 1935 года Артуру Христиановичу Артузову было присвоено звание корпусной комиссар.

Артур Христианович всячески добивался того, чтобы сотрудники военной разведки за границей перестали вербовать членов зарубежных компартий, что ранее неоднократно приводило к провалам в работе. В 1935 году по его предложению за границу был командирован разведчик-нелегал Ян Черняк, возглавивший крупную агентурную сеть, охватывавшую ряд европейских государств.

Именно Артузов принял в Разведупр легендарного военного разведчика Хаджи-Умара Мамсурова (Ксанти), позднее отличившегося в Испании. В тот же период нелегальным военным разведчиком стал Шандор Радо, обосновавшийся в Швейцарии под псевдонимом Дора. В годы Второй мировой войны от него поступило много ценной информации о состоянии дел в Италии и Германии. Наконец, Артузов считается и «крёстным отцом» выдающегося разведчика-нелегала Рихарда Зорге. Он умел создавать задел на перспективу.

Артузов многое сделал для страны, понимая, что через какое-то время будет война и нужна будет нелегальная разведка. Заслуга его в том, что он сделал крен на создании нелегальных резидентур и передаточных пунктов в ряде стран. Это помогло в 30-е годы, когда Гитлер пришёл к власти, советской разведке получать серьёзную информацию.

Развязанные в 1936 году в отношении старых руководящих кадров репрессии привели к тому, что с занимаемых постов были сняты основатели ЧК Глеб Бокий, Яков Петерс, Иосиф Уншлихт, Фёдор Эйхманс и другие.

Положение Артузова в Разведупре, несмотря на все успехи, было непрочным. Нарком обороны Клим Ворошилов с подозрением относился к нему и другим чекистам, пришедшим в военную разведку, и считал, что они подсланы Сталиным, чтобы следить за ним. Началось неприкрытое выживание Артузова и других бывших сотрудников НКВД из военной разведки. Артур Христианович отстаивал свои позиции, написал доклад о состоянии агентурной работы в Разведуправлении РККА и направил его Сталину и Ворошилову. Доклад был столь нелিপким, что вызвал страшный гнев Ворошилова, а затем, судя по всему, и Сталина.

Сохранились также свидетельства очевидцев, что на одном из приёмов Сталин весьма иронично отозвался об источниках Артузова за рубежом, поинтересовался их надёжностью и, наконец, не скрывая раздражения, тем, не дезинформируют ли они его.

Оргвыводы были сделаны сразу после злосчастного приёма: сначала Артузова уволили из Разведупра, а затем отстранили от дел в Иностранном отделе НКВД. На какое-то время его перевели в архивное подразделение на Лубянке – якобы для написания книги, приуроченной к 20-летию органов государственной безопасности. В ночь на 13 мая 1937 года Артузов был арестован в своём служебном кабинете.

Незадолго до ареста, выступая на партийном активе НКВД, Артур Христианович высказался со всей откровенностью: «При установившемся после смерти Менжинского фельдфебельском стиле руководства отдельные чекисты и даже целые звенья нашей организации вступили на опаснейший путь превращения в простых техников аппарата внутреннего ведомства со всеми недостатками, ставящими нас на одну доску с презренными охранками капиталистов».

«Простые техники» этого не простили. Обвинялся Артузов по 58-й статье, точнее, по тому её пункту, где говорилось о контрреволюционных преступлениях и шпионаже.

Следствие вела печально известная тройка в составе Ульриха, Вольского и Рогинского. Вряд ли мы когда-либо узнаем, что творили заплечных дел мастера, но уже на первом допросе Артузов «признался», что работал аж на три разведки: французскую, германскую и польскую. Затем из него выбили и «признание» в шпионаже в пользу британской секретной разведывательной службы аж с 1913 года.

Перед смертью Артузов начал писать в тюремной камере записку собственной кровью, что текла из сломанного на допросе носа. В ней говорилось: *«Гражданин следователь! Привожу доказательства, что я не шпион. Если бы я был немецкий шпион, то позаботился бы получить через немцев транзитный документ для отъезда за границу...»* Дописать ему не дали.

Артура Христиановича расстреляли 21 августа 1937 года, в тот же день, когда судебной тройкой был подписан смертный приговор.

В 1956 году его посмертно реабилитировали. Затем реабилитировали всех соратников Артузова по легендарным операциям 1920-х годов, замученных и расстрелянных. Сия чаша не миновала почти никого из сотрудников КРО первого набора.

19 ноября 2014 года в Санкт-Петербургском политехническом университете состоялась церемония открытия мемориальной плиты советского разведчика Артура Артузова.

Памятник Артузову установлен в городе Кашин Тверской области.

В то утро голодной весной 1920 года будущий отец советской физики Абрам Иоффе спешил на работу в Радиологический институт. «Абрам Фёдорович!» – раздалось у него за спиной. Он повернулся и увидел длинную фигуру в рваном вязаном кашне и офицерской шинели без погон. Солдатские ботинки на ногах юноши явно требовали ремонта.

«Здравствуйте, я **Лев Термен**», – представился офицерик.

Термен рассказал о своих злоключениях: как заведовал электротехнической лабораторией и как в начале 1919 года был арестован по обвинению в белом заговоре.

«Неужели выпустили?» – удивился Иоффе. «Самому не верится», – отвечал Лев Термен. «И что теперь?» – «Да вот, на работу не берёт никто. Говорят, контра недобитая», – весело пожаловался Термен. «Ну, этому горю легко помочь», – засмеялся Иоффе. – Мне много о вас рассказывали. Хотите лабораторию?» Термен согласился не раздумывая.

Постепенно жизнь наладилась. Голодный, в нетопленном помещении, он трудился как одержимый. Никаких романтических приключений, никаких развлечений – только работа.

Однажды в августе 1921-го в дверь Льва Термена постучали. На пороге стояла незнакомая девушка со свёртком в руках.

– Здравствуйте. Я Катя Константинова, сестра Александра Павловича, вашего сотрудника, – сказала она и вдруг густо покраснела. – Он попросил меня занести вам книгу, вот.

Почему-то Лев сразу же почувствовал, что не хочет отпускать застенчивую красавицу. Катя рассказала ему всё сразу: как умерли родители, как трудно воспитывать маленького брата, как любит Тургенева.

– Да вы сами – тургеньевская девушка, – вырвалось у Льва. – А я больше музыку люблю. Даже консерваторию окончил. По классу виолончели.

– Сыграете мне?

– Конечно. Только не на виолончели. На инструменте, который я сам придумал. Там звук извлекается при помощи электричества.

– Электричества?

– Ну конечно. Разве брат не рассказывал вам, что электричество может всё? Например, передавать изображение на расстоянии. Вот представьте себе, – возбуждённо заговорил Тер-

мен, – что вы здесь, а я, например, в Америке. Вы смотрите в стеклянную трубку, а я там, в Америке, вижу вас на экране. Верите?

– Верю. – Катя смотрела на Термена с восторгом. – Но это же всё, наверное, не скоро.

– Скоро, очень скоро. Очень-очень.

Через полгода Лев и Катя поженились. Наконец Термен пригласил Катю в лабораторию.

«Помнишь, я обещал тебе сыграть?» – сказал он ей, расчехляя какой-то ящик, из которого торчали металлические трубки. Термен приблизил руку к устройству, но не дотронулся. Он то приближал руку к ящику, то удалял её, и из ниоткуда возникал звук – плавный и нежный.

Термен действительно соорудил особо чувствительный музыкальный инструмент, который реагировал на приближение руки. В восторге была не только Катя, но и даже сам академик Иоффе. «Немедленно, немедленно ехать в Москву!» – Учёный не любил откладывать дела на потом, и вскоре Лев Термен уже играл в Политехническом, а газеты писали о том, что новый инструмент, названный терменвоксом, вытеснит все инструменты в оркестре, как трактор вытеснил лошадь на полях.

А вскоре в кабинете Термена раздался звонок: «Кремль на проводе...» Оказалось, об изобретении прослышал сам Владимир Ильич.

Эту встречу Термен вспоминал спустя годы: «Ленин оказался очень симпатичным человеком и отнёсся ко мне как к сыну».

«А нельзя ли и мне попробовать?» – не удержался вождь, когда Термен заиграл «Жаворонка» Глинки. Лев Сергеевич взял руки Ленина в свои, и они вместе сыграли пьесу от начала до конца. Прощаясь, Ленин дал Термену два совета. Первый – везде демонстрировать свой инструмент, а второй – срочно вступить в компартию. Совет вождя Термен выполнит через 70 лет, в 1991 году. Он вступит в партию уже глубоким стариком.

В 1927-м Термена пригласили на гастроли по Европе. Когда он поделился ошеломляющей новостью с женой, Катя расплакалась:

– Возьми меня с собой.

– Не могу. Нельзя. В Европе у меня есть ещё одно дело. – Тут он замялся.

– Какое?

– Этого я тебе не могу сказать.

Но Катя догадывалась, какое. Накануне им часто звонил человек, называвшийся «товарищем Петерисом». После его звонка муж куда-то уходил, а приходил за полночь и озабоченный. С тех пор как он изобрёл сигнализацию и «дальновидение» (устройство для передачи изображения на расстоянии), власти не спускали глаз с секретного изобретателя.

Сперва из Европы приходили восторженные письма. Европа была очарована Терменом. В Гранд-Опера ради его выступления отменили спектакль. Даже стоячие места в ложах были проданы. Так прошёл год. А в начале 1928 года Катерине позвонили и сказали, что Лев Термен сбежал в Америку. Подробности сообщить отказались.

Она тут же решила перебраться через океан – к мужу. Дорога оказалась слишком долгой. Только год спустя ей удалось добиться выезда в Германию. Но как доехать до США? Катя ничего не могла придумать. Как-то в городском саду к ней подсел молодой человек. «Меня зовут Вальтер», – представился он по-немецки. Осведомившись, почему у фрау такой огорчённый вид, немец пообещал использовать свои связи и помочь «бедной хорошенькой женщине, так любящей своего мужа». Они начали встречаться каждый день, чтобы «обсудить наши вопросы», как уклончиво любил выражаться новый друг Кати. Через неделю Катя поняла, что никуда не торопится. В Америку она попала только в 1930 году, пообещав Вальтеру писать каждый день.

Найти Термена в Нью-Йорке не представляло никакого труда. Пока таксист вёз Катю к его шестизэтажному дому, «где у мистера миллионера студия – он учит извлекать звуки из воздуха» (так пояснил словоохотливый таксист), она всё время думала, что скажет мужу. Но когда

в гостиной её встретил лощёный аристократ в утреннем светлом костюме, она с облегчением поняла, что объяснения излишни. В новой жизни Термена для неё попросту нет места. Лев и Катя договорились, что они останутся друзьями и что, пока она не встанет на ноги, он будет помогать.

Светские львицы Америки наперебой приглашали «странного русского» в свои салоны. В больших концертных залах его ждали аншлаги. Деньги за выступления, продажа патента на терменвокс, и фирма по изготовлению охранных систем быстро сделали Термена одним из самых состоятельных людей Америки. У члена Клуба миллионеров Америки, каковым стал Лев Термен, теперь не было недостатка в поклонниках и учениках. В одну из учениц, красавицу Клару Рокмор, он даже был влюблён. Всё шло как нельзя лучше.

Однажды к Термену пришёл молодой человек. Он говорил по-русски, представился и попросил удалить прислугу. «Я от товарища Петериса. Помните такого?» – вкрадчиво спросил он. Термен ждал этого визита и боялся его. Он стал забывать, что у него были кое-какие обязательства перед известной конторой из СССР. И отлично понимал, что, если его до сих пор не ликвидировали, значит, надеются использовать. «Помню». – Лев Сергеевич старался казаться спокойным. «Вот и славно. – Чекист развалился в кресле из белой кожи и закурил сигару. – Я полагаю, у вас нет никаких возражений против сотрудничества?» – Пепел сигары упал прямо на белую обивку кресла. Термен предпочёл не обращать внимания. «К сожалению, мой бизнес отнимает всё время. И я не хотел бы давать обещаний, которые не могу исполнить». «О'кей! – Вербовщик неожиданно расплылся в американской улыбке. – Завтра вы получите веские аргументы „за“. Читайте газеты».

На следующее утро разразился скандал: в газетах появилось письмо, из которого следовало, что Термен и его жена – члены немецкой фашистской организации. Это был сильнейший удар по репутации Лео Термена. Он позвонил Кате и попросил о встрече. Когда она увидела, чьим именем подписано письмо, разрыдалась и рассказала о своей ошибке. Автором письма был Вальтер. Значит, тогда в Европе её попросту использовали в игре против мужа. Но теперь было поздно. Она первая заговорила о разводе: «Так будет лучше для нас обоих».

Вечером в его доме раздался звонок: «Хотите опровержения? Тогда соглашайтесь. Кстати, напомните, пожалуйста, ваши родители всё ещё в СССР?»

Так американский миллионер стал советским резидентом.

Ещё по приезде в Америку он снял в аренду на 99 лет шестиэтажный особняк на 54-й авеню. Помимо личных апартаментов в нём разместились мастерская и студия. Здесь частенько Лев Сергеевич музицировал с Альбертом Эйнштейном: физик – на скрипке, изобретатель – на терменвоксе.

Слухи об этих экспериментах притягивали в студию многих известных людей. Среди гостей Термена были миллионеры Дюпон, Форд и Рокфеллер. Впрочем, и сам Термен к середине 30-х годов был включён в список двадцати пяти знаменитостей мира. И даже был членом Клуба миллионеров.

Каждые две недели Лев Сергеевич приходил в небольшое загородное кафе, где его ждали двое молодых людей. Они выслушивали его донесения и давали новые задания. Впрочем, эти задания были необременительными и не особо отвлекали Термена от работы.

Между тем Термен усовершенствовал своё главное изобретение – он изобрёл терпситон – «поющую» танцевальную платформу. Её звук менялся в зависимости от движения танцора. Термен обошёл почти все нью-йоркские танцевальные труппы в поисках танцовщицы, которая смогла бы достойно продемонстрировать его изобретение: для этого нужно было иметь не только безупречную пластику, но и идеальный слух.

Когда Термен уже отчаялся найти нужного исполнителя, он зашёл в негритянский театр и увидел её. Чернокожая танцовщица обладала невероятной грацией. «У вас отменное чутьё, мистер Термен. Это наша звезда, Лавиния Уильямс», – прошептал директор труппы.

Её способность схватывать всё на лету поражала Термена. Она была не только красotka, но и очень умная женщина. До сих пор Термен не встречал человека, который бы понимал его так хорошо. Лавиния рисовала, говорила на пяти языках и очень много читала. Термен влюбился без памяти.

– Тебе нужно учиться. – Он гладил её блестящие кудри.

– Ты смеёшься? Я даже в метро спокойно не могу войти. У чернокожих в этой стране нет будущего! – Девушка говорила об этом спокойно, как о решённом деле.

– Всё равно. Хочешь, я познакомлю тебя с Эйнштейном? Он часто у меня бывает. Мы играем вместе.

– Не хочу. Твои гости засмеют меня.

Однажды на светском рауте к Термену подошёл один из его партнёров: «Мистер Лео, мне нужно с вами поговорить. Не в моих правилах вмешиваться в личные дела людей, но речь идёт о бизнесе. Мой дружеский совет – не увлекайтесь сверх меры. О вашем романе с чёрной танцовщицей говорят на всех углах».

Термен резко развернулся и зашагал прочь. В этот момент он принял решение. Он подошёл к Лавинии и сказал без лишних предисловий: «Лавиния, послушай. Я русский, и мне наплевать на ваши дурацкие предрассудки. Я люблю тебя и хочу на тебе жениться».

О скандальном браке писали все газеты. И теперь уже не восхищённый шёпот, а брань и улюлюканье сопровождали Термена повсюду. Бизнес резко пошёл на спад. Пришлось взять несколько уроков бокса – чтобы при случае постоять за себя. Постепенно перед четой Термен закрылись все двери.

Как только Лео Термен перестал быть источником ценной информации, ему настоятельно посоветовали вернуться на родину. Лавинию обещали привезти следующим же рейсом. Он уходил, когда Лавиния спала. Легонько поцеловал её в губы. Она улыбнулась, не просыпаясь. Через час он был уже в порту.

На родине Термена никто не ждал. От него шарахались, как от зачумлённого. Старые друзья делали вид, что с ним не знакомы. Пытаясь понять, что происходит, он поехал из Ленинграда в Москву и начал обивать пороги кабинетов с просьбой помочь найти работу. Однажды в гостиницу, где Лев Сергеевич остановился, пришёл человек с толстым портфелем. «Хочу вас обрадовать, сейчас вы поедете со мной – смотреть ваше новое место работы». Но машина привезла его в Бутырскую тюрьму...

Его арестовали как «невозвращенца», и через месяц умелой обработки социалистической законностью на Лубянке Лев Термен признался во всём.

Например, в том, что вместе с группой астрономов он планировал убийство Кирова.

Версия была такая: Киров (который к тому времени был уже давно мёртв!) собирался посетить Пулковскую обсерваторию. Астрономы заложили фугас в маятник Фуко.

А Термен радиосигналом из США (!) должен был взорвать его, как только Киров подойдёт к маятнику (!). Следовательно не смутило даже то, что маятник Фуко находится не в Пулково, а в Казанском соборе.

Льву Сергеевичу дали восемь лет и отправили на Колыму.

В лагере он немедленно изобрёл самоходную тачку на монорельсе, и его вскоре забрали в так называемую «шарашку» Туполева, где у него в ассистентах был Сергей Павлович Королёв.

Началась война, и он разработал оборудование для радиоуправления беспилотными самолётами и радиобуи для военно-морских операций.

Но не только. Ещё Термен в этой шарашке разработал знаменитую систему подслушивания «Буран». Говорят, она до сих пор используется.

Венцом этого творения стало деревянное панно, которое американскому послу подарили советские пионеры. Панно повесили в кабинете посла, и... вскоре стали искать, откуда происходит колоссальная утечка информации. Только семь (!) лет спустя в этом панно обнаружили

цилиндр с мембраной. Ещё полтора года инженеры американской разведки бились над загадкой – что это такое?..

А оказалось, что из дома напротив на окно кабинета направлялся луч, а мембрана, колебавшаяся в такт речи, отражала его назад. Вместе с речью, которая и записывалась. В дальнейшем Термен ещё улучшил изобретение: можно было обходиться даже без мембраны, её роль выполняло оконное стекло.

Советские власти так обрадовались этому полезному изобретению, что наградили Термена Сталинской премией 1-й степени прямо в тюрьме. А потом даже и выпустили, что было просто выдающимся актом гуманизма и торжества столь милой некоторым социалистической законности.

И даже осчастливили его двумя комнатками «бесплатной жилплощади» на Ленинском пропекте.

В 60-е годы Л. Термен снова хотел было заняться электронной музыкой, но какое-то партийно-гебешное мурло просто плюнуло ему в глаза, указав, что «электричество существует, чтобы казнить предателей, а не для того, чтобы создавать музыку». Вот такие мыслители решали судьбу науки в стране вообще и гениального изобретателя Термена – в частности.

Конечно, он оставался сугубо засекреченным и продолжал работать на разведку, потому что больше никуда его на работу не брали. Сначала занимался военной гидроакустикой, а потом ему поручили разработать «устройство для поиска летающих тарелок». Такой идиотизм его совершенно не вдохновлял, и в 1964 году он наконец ушёл из органов и стал тихо-мирно работать в акустической лаборатории московской консерватории.

Шёл оттепельный 1967 год. В СССР с культурной делегацией приехала ученица Термена и его бывшая любовь Клара Рокмор. После репетиции она вышла из консерватории, и вдруг рядом мелькнул седой человечек в сереньком советском плаще и продуктовой авоськой в руках. Но эту походку, эту безукоризненную осанку ни с чем не перепутаешь. «Лев Сергеевич!» – закричала она, боясь, что он опять исчезнет – на этот раз навсегда. Человек остановился, обернулся.

Это был он. Бывший миллионер, бывший зэк и бывший сотрудник спецслужб. Оба на некоторое время онемели, а потом наперебой начали рассказывать друг другу события последних десятилетий. Термен, отсидевший восемь лет, но оставшийся в живых, уже много лет был женат на другой женщине, у него росли две дочери. Он всем был доволен, со всем смирился и очень устал.

Так бы и работал, если бы корреспонденту «Нью-Йорк Таймс» не приспичило сделать о консерватории репортаж. И там корреспондент наткнулся на Льва Термена. Ведь во всех западных энциклопедиях было указано: «Термен, великий изобретатель (1896–1938). Замучен в советских лагерях». Когда в США узнали, что великий Термен жив – это была бомба. Сенсаация. Научная общественность Америки и Европы буквально взревела. К Термену хлынула лавина писем от учёных, коллег, к нему толпой ломились репортёры и телекомпании... Его приглашали в Стэнфорд, в Париж, в Голландию, в Швецию...

Руководство консерватории так перетрусилось от всего этого, что... Термена просто уволили, а его аппаратуру и разработки вышвырнули на помойку.

А разрабатывал он синтезатор, который вскоре успешно создала японская «Ямаха», заработав на этом миллионы и миллионы...

И последующие 25 лет великий учёный, по таланту не уступавший, наверное, самому Леонардо, легендарный изобретатель, которого хвалил Ленин и уважал Эйнштейн, работал механиком 6-го разряда в какой-то заштатной лаборатории. Жил с семьёй в двухкомнатной квартире, смотрел, наверное, телевизор – который ему не дали изобрести, а по телевизору концерты рок-звёзд на синтезаторах «Ямаха».

Дочери выросли, завели свои семьи, и в маленькой двухкомнатной квартире на Ленинском проспекте жили пятеро – Л. С. Термен, дочь Наталья с мужем и двумя детьми. С большим трудом ему удалось получить ещё одну комнату в клопной коммуналке, где его потом и затравили соседи...

Через два месяца после отъезда Клары Термен получил письмо из Штатов – от Лавинии. Она писала, что у неё всё хорошо, что она замужем, что у неё две очаровательные дочки. Они тоже танцуют на терпситоне. На самом деле Лавиния много лет добивалась разрешения на въезд к мужу. Но МИД вынес безжалостный вердикт: госпоже Термен в разрешении на въезд отказать, полезной для СССР она быть не может.

Переписка между Терменом и Лавинией длилась 30 лет. Но в 1990 году Лавиния вдруг престала писать. В 1991-м Лев Сергеевич поехал в Америку и написал бывшей жене письмо. Он назначил ей встречу в том самом доме, где они когда-то были счастливы. Но тщетно: Лавиния так и не пришла.

До самой своей смерти Лев Термен продолжал искать Лавинию – он не мог смириться с мыслью, что пережил её. Лев Термен умер в 1993 году в нищете и в неизвестности, затравленный соседями в коммуналке.

Лев Фельдбин родился в 1895 году в городе Бобруйске Минской губернии в еврейской семье. Его отец, мелкий лесоторговец, постарался дать сыну хорошее образование. С детства мальчик мечтал стать офицером-кавалеристом, но в условиях царской России это было нереально.

В 1916 году Лев поступил на юридический факультет Московского университета и одновременно в Институт восточных языков, но в том же году был призван в армию. Революцию он встретил с воодушевлением, вступил в партию большевиков, принял активное участие в Гражданской войне, служил в ЧК.

С началом Гражданской войны вступил в РККА и был зачислен в Особый отдел 12-й армии. Участвовал в раскрытии контрреволюционных организаций в Киеве, командовал отрядом особого назначения. В мае 1920 года вступил в РКП(б).

В 1920–1921 годах – сотрудник архангельской ЧК (начальник секретно-оперативной части, начальник агентурно-следственного отделения по охране северных границ, начальник следственно-розыскной части. В Архангельске 1 апреля 1921 года он вступил в брак с 18-летней Марией Владиславовной Рожнецкой, также членом РКП(б) (с 16 лет) и военнослужащей.

Летом 1921 года демобилизовался вместе с женой из Красной армии, в 1921–1924 годах – студент школы правоведения при Московском университете. Одновременно с 1920 года, уже как Лев Лазаревич Никольский, работает в правоохранительных органах. Несколько лет работал в Верховной трибунале при ВЦИК под покровительством Николая Крыленко. В мае 1924 года, завершив обучение, перешёл на работу в экономическое управление (ЭКУ) ГПУ (начальник 6-го отделения; с 1925 года – начальник 7-го отделения и помощник начальника ЭКУ ОГПУ), руководителем экономического управления (ЭКУ) являлся его двоюродный брат Зиновий Кацнельсон.

В 1925 году командовал отрядом погранвойск ОГПУ в Закавказье (начальник погранохраны Сухумского гарнизона), куда прибыл с семьёй по вызову Зиновия Кацнельсона, незадолго до этого занявшего пост председателя Транскавказского ОГПУ взамен погибшего в авиакатастрофе Соломона Могилевского.

По некоторым данным, здесь он познакомился со Сталиным и Берией. В 1926 году Фельдбина перевели в ИНО (иностранный отдел) ОГПУ. Он стал кадровым разведчиком-нелегалом Орловым.

Его первая командировка была во Францию, где Орлов работал под крышей торгпредства. В Берлине он занимался не только подписанием официальных контрактов, но и промыш-

ленным шпионажем. В частности, сумел похитить технологию изготовления промышленных алмазов.

В 1926–1930 годах началась нелегальная работа во Франции, затем в Австрии и Великобритании, где он возглавил большую нелегальную резидентуру, обладавшую ценными источниками информации, среди которых – знаменитая Кембриджская пятёрка.

Его подчинённым был брат второй жены Сталина Павел Аллилуев. От него Орлов узнал многие тайны сталинского двора, которые использовал потом при написании своей сенсационной книги «Тайная история сталинских преступлений». В Англии Орлов курировал вербовку знаменитой Кембриджской пятёрки.

В 1932 году Орлов был командирован в Соединённые Штаты (под прикрытием представителя «Льноэкспорта») для налаживания отношений со своими родственниками из Бобруйска и получения подлинного американского паспорта, который позволял свободно путешествовать по Европе. Позднее, по данным Бориса Володарского, Орлов, Эйтингон и Серебрянский изучали возможности создания разведывательных сетей в США используя для этого своих еврейских родственников.

«Лев Леонидович Николаев» отплыл из Бремена и прибыл в США 22 сентября 1932 года на борту лайнера «Европа». После того как Орлов был идентифицирован американским управлением военно-морской разведки как шпион, ему удалось с помощью другого советского нелегала Абрама Айнхорна получить паспорт на имя Уильяма Голдина, и 30 ноября 1932 года он отбыл обратно в Бремен, в Веймарскую Германию.

В октябре 1935 года по возвращении в СССР был назначен заместителем начальника транспортного отдела (ТО) ГУГБ НКВД. Звание «майор госбезопасности» присвоено в декабре 1935 года.

В сентябре 1936 года был направлен в Мадрид в качестве одного из двух официальных представителей НКВД по связям с министерством внутренних дел испанской Республики (вторым представителем был опытный разведчик, майор госбезопасности Наум Маркович Белкин). Именно в это время (сентябрь 1936 года) появился на свет очередной псевдоним «Александр Михайлович Орлов», под которым он и вошёл в историю разведки. Позднее, в 1937 году, Орлов был назначен главой легальной резидентуры НКВД. Заместителем Орлова по резидентуре был Наум Эйтингон/Котов.

Работа в Испании была разносторонней и опасной: создание контрразведывательной службы, борьба со шпионажем, организация диверсий в тылу мятежников. О том, как проходили партизанские операции, писал в своём романе «По ком звонит колокол» Эрнест Хемингуэй. Орлов упоминается в романе как персонаж по фамилии Варлов.

Особое внимание уделял Орлов работе с агентурой. В том числе и с Кимом Филби, бывшим тогда корреспондентом английской газеты «Таймс», аккредитованным при ставке Франко.

Орлов обучал разведывательной работе бойца интербригады Иосифа Григулевича, сыгравшего заметную роль во время Великой Отечественной войны. Александр Михайлович завербовал американца Мориса Козна, будущего Героя России, организовал в Испании разведывательную школу «Строительство», лучшие выпускники которой оседали потом в разных странах Европы.

Но не стоит излишне идеализировать Орлова, он был человеком противоречивым. В ближайшем окружении советского резидента находился небезызвестный Рамон Меркадер, будущий убийца Льва Троцкого. По приказу из Москвы Орлов искал и уничтожал троцкистов. Вряд ли ему делает честь участие в похищении и убийстве Андреу Нина, главы троцкистского крыла испанской компартии.

В то же время он спас от возможных репрессий генерала Вальтера. В 1946–1947 гг. это замминистра обороны Польши генерал Сверчевский. Но самой яркой страницей биографии

Александра Михайловича стала разработка и осуществление операции по вывозу испанского золотого запаса в Советский Союз.

В июле 1936 года в Испании поднялся мятеж. Генерал Франко при поддержке Гитлера и Муссолини выступил против правительства Кабальеро. Началась гражданская война с перевесом сил в пользу франкистов. У республиканцев не было ни опыта военных действий, ни современного оружия, и тогда они обратились с просьбой к СССР оказать военную помощь.

Им было чем расплатиться, ведь Испания обладала четвёртым в мире золотым запасом. Конечно, Сталин не мог упустить такую возможность, и вскоре четыре советских судна с оружием и танками причалили к испанским берегам. После этого республиканское правительство сделало Москве официальное предложение принять более 500 т золота, а это около полумиллиарда долларов, в качестве оплаты за военную помощь.

Переправить испанское золото тайно в СССР в условиях гражданской войны – столь трудновыполнимое задание Сталин поручил Александру Орлову. Особая секретность операции объяснялась ещё и тем, что СССР входил в международный комитет 27 европейских стран по невмешательству в дела Испании. Кроме того, Сталин хотел выглядеть бескорыстным помощником испанских республиканцев.

Орлов лично провёл переговоры с министром финансов Испании и предупредил его, что не подпишет никаких официальных документов и расписок, потому что иначе эта акция может обернуться для СССР международным скандалом. Погрузку должны были провести советские моряки.

Министр негодовал, но вынужден был согласиться. Выхода у него не было: войска генерала Франко стремительно приближались к Мадриду, и испанское правительство решило эвакуировать свой драгоценный металл на военно-морскую базу в Картахену.

Орлов приехал, чтобы руководить погрузкой золота. Однако выполнение операции оказалось под угрозой срыва. Генералу Франко стало известно, что на советские корабли переносятся какие-то ящики, и он отдал приказ о бомбардировке порта.

К счастью, погрузку удалось вовремя завершить и выйти в Средиземное море. 2 ноября 1938 года всё золото было благополучно доставлено в Одессу, а затем военным эшелоном переправлено в Москву. Операция «Испанское золото» успешно завершилась.

Впоследствии испанское правительство неоднократно поднимало вопрос о возврате вывезенного золота. Однако только в 1960-е годы была достигнута договорённость, что СССР компенсирует часть золотого запаса поставками нефти в Испанию.

Казалось, что после столь блестящего выполнения задания Сталина Орлов может праздновать победу. Он был награждён орденом Ленина, ему присвоили звание старшего майора госбезопасности, которое позже было приравнено к рангу генерал-майора.

Но опасность вновь подстерегала отважного разведчика. Неожиданно он получил телеграмму из «Центра» о намерении выслать 12 человек для его охраны под предлогом того, что франкисты готовят похищение советского резидента.

Заподозрив неладное и решив, что этим людям будет поручено его ликвидировать, он убедил руководство в том, что располагает надёжной охраной из бойцов интербригады.

Были ли у Орлова основания опасаться за свою жизнь? Безусловно. Нарастающая волна кровавой сталинской чистки захлестнула и спецслужбы. В книге Виталия Павлова «Трагедии советской разведки» (изд-во «Центрполиграф», 2000) приводится внушительный список уничтоженных и подвергшихся репрессиям опытных закордонных разведчиков.

В течение 127 дней 1937 года руководство страны не получало из центрального аппарата внешней разведки вообще никакой информации. Орлов понимал, что после проведения операции «Испанское золото» шансов уцелеть у него немного. Свидетели Сталину были не нужны. Оставалось только одно: бежать. Однако он никак не мог решиться на этот шаг. Но дальнейшие события вынудили его принять окончательное решение.

9 июля 1938 года Орлов получает телеграмму с приказом прибыть на советское судно «Свирь» в Бельгию, в Антверпен. Якобы для участия в важном совещании. Он понял, что это ловушка, но подтвердил своё согласие, а сам вместе с женой и дочерью выехал в Париж. Он знал, что во Франции НКВД располагает разветвлённой агентурой, поэтому надолго задерживаться там было нельзя.

Единственным надёжным убежищем оставалась Америка. Однако получить американскую въездную визу не удалось, посла на месте не оказалось. Супруги Орловы кинулись в канадское представительство и по своим дипломатическим паспортам получили въездную визу в Канаду.

Дальше их путь лежал в США. Вскоре в советское посольство поступило письмо Орлова на имя наркома внутренних дел Ежова, в котором автор объяснял причины своего поступка. Он писал, что бежал из Испании, опасаясь подвергнуться участи уже уничтоженных зарубежных разведчиков.

К письму был приложен перечень важнейших зарубежных операций НКВД, обозначенных кодовыми названиями, и шестидесяти двух кличек советских агентов, сведения о которых, как предупреждал Орлов, в случае его убийства будут преданы гласности его адвокатом. Если же его оставят в покое и не будут трогать его старуху-мать, то он никогда не встанет «на путь, вредный партии и Советскому Союзу». Письмо Орлова достигло цели, Ежов распорядился отменить уже подготовленный приказ о его розыске и ликвидации.

Надо сказать, что обе стороны выполнили молчаливое соглашение: ни советская сторона не пыталась уничтожить Орлова, ни Орлов не выдал ни одного агента и ни одной операции.

Чтобы не обращать на себя внимания американских властей, он постоянно перемещался по стране, нигде долго не задерживаясь. В 1940 году умерла дочь Орловых Вера, ещё с детства болевшая ревматизмом. После окончания войны Александр Михайлович начинает писать книгу «Тайная история сталинских преступлений». Отрывки из неё в 1953 году напечатал журнал «Лайф».

Появление этих публикаций повергло в шок директора ФБР Гувера, только из них узнавшего, что в США уже на протяжении пятнадцати лет проживал генерал НКВД. Несколько лет Орлова допрашивали в ФБР. Он рассказал уже известные факты о работе советской разведки, но не выдал ни одного из известных ему агентов.

Расследованиями «дела Орлова» занимались и в КГБ. Их результатом был вывод о том, что Орлов не выдал никого из закордонной агентуры и не сообщил об операциях, проводившихся с его участием. Завербованные им «кембриджцы», а также Абель, которого он хорошо знал, продолжали доставлять крайне ценную разведывательную информацию. Обвинения в том, что, уезжая из Испании, Орлов прихватил деньги из сейфа резидентуры, подтверждения не нашли.

В то же время у руководства советской разведки всегда существовали опасения: ведь ещё действовали разведывательные сети и отдельные агенты, о существовании которых Орлов знал, недвусмысленно предупредив об этом в своём письме и приложении к нему. Надо было убедиться, что Орлов никого не выдал ни по доброй воле, ни на допросах в Службе иммиграции, в ФБР и подкомитете конгресса по внутренней безопасности.

О факте его показаний в Москве узнали в 1955 году, однако их характер не был полностью известен. Учитывая, что ни один агент, о котором Орлов знал, не пострадал, можно было сделать вывод, что он никого не выдал. Лучшим способом убедиться в этом была бы личная встреча с Орловым, но его местонахождение оставалось тайной. Первые расплывчатые сведения о том, где проживает Орлов, появились в Центре в 1964 году. Они могли показать только направление поиска.

Номер телефона Орлова не был указан в списке абонентов; почту он получал через адвоката, который пересылал её на несколько абонентских почтовых ящиков. Было известно лишь

то, что Орловы в 1962 году переехали в штат Мичиган. В 1969 году КГБ получило новую информацию с указанием адреса и телефона в Анн-Арборе, где Орлов жил под своим собственным именем.

Встал вопрос о том, кого направить на встречу с Орловым. Рассматривались кандидатуры бывшего лётчика Фёдора Химочко, который когда-то спас жизнь Орлову, и бывшего офицера НКВД в барселонской резидентуре Николая Прокопюка, ставшего в годы Отечественной войны известным партизанским командиром, Героем Советского Союза, позднее – писателем.

От направления Химочко отказались из-за его возраста, от Прокопюка – потому что провал мог бы привести к крупному скандалу. Остановились на кандидатуре сотрудника разведки Михаила Александровича Феоктистова, который в это время под псевдонимом «Георг» работал в нью-йоркской резидентуре. Юрист и следователь по образованию и подготовке, хороший спортсмен, смелый и находчивый человек, Феоктистов как никто другой подходил для выполнения этого деликатного задания.

Он был вызван в Москву, где получил подробную информацию по делу Орлова, изучил все детали его досье и был подробно проинструктирован. Георг был сотрудником ООН, и на него не распространялось требование об обязательной нотификации при выезде за 25-мильную зону. Тем не менее он не афишировал свою поездку и неизменно проверялся от наружного наблюдения.

«Метлард хаус», где жили Орловы, оказался одиннадцатизэтажным домом. Посторонний мог войти в него, только позвонив снизу хозяину и дождавшись ответного щелчка дверного замка. 14 ноября 1969 года Георг стоял у витрины магазина рядом с подъездом, раздумывая о том, как войти внутрь. В это время к подъезду направились два школьника. Георг обратился к ним, перебрался парой слов на спортивную тему и так, разговаривая, прошёл вместе с ними в подъезд.

Поднялся на седьмой этаж и нажал кнопку звонка у двери квартиры 763. Дверь открыл пожилой мужчина, в котором Феоктистов сразу узнал нужного ему человека. «Могу я поговорить с господином Орловым?» – спросил он по-английски. «Да, конечно», – ответил мужчина, но тут из комнаты стремительно выскочила женщина. Закрыв собой мужчину и оттеснив его, она спросила у Феоктистова: «Кто вы и откуда?» Михаил, ответив, что привёз письмо от Николая Прокопюка, протянул его Орлову.

Тот взял письмо и стоял, раздумывая, но жена снова требовательно обратилась к Феоктистову: «Кто вы?» Вынув из кармана пальто паспорт, он произнёс: «Успокойтесь, пожалуйста». Увидев советский паспорт, женщина закричала: «Саша! Это агент КГБ! Он пришёл, чтобы убить нас!» С криком она кинулась в комнату и выскочила оттуда с пистолетом. «Я застрелю вас! Вы явились, чтобы убить нас! Саша! Отдай письмо назад, оно отравлено!»

Михаил, конечно, не был готов к тому, что его встретят с пистолетом, но, сохранив самообладание, выхватил у Орлова письмо, вскрыл конверт, энергично потёр ладони о конверт и его содержимое, а затем лизнул обе руки. «Успокойтесь, – сказал он. – Если бы письмо было отравлено, я так бы не сделал». Но это не образумило Марию Вячеславовну, жену Орлова. Она вытолкала мужа из комнаты.

«Но, Мария, я хочу поговорить с ним», – возражал Орлов. «Нет. Он убьёт тебя!» – повторяла Мария. Она заставила Михаила поднять обе руки и повернуться к стене, а затем ощупала его, как заправский полицейский. Михаил пытался урезонить Марию, несколько раз повторял, что в СССР Орловых не считают предателями и не собираются причинять им вреда, говорил о том, что у него есть вести от её сестёр, проживающих в Москве, но она не желала слушать.

Неожиданно спросила у Феоктистова имя его дяди. Он назвал, и она сказала, что знала его. Но всё это не успокоило её. Вытеснив Михаила в коридор, она стала рассказывать о перенесённых её семьёй лишениях и снова начала кричать: «Вы сорвали все наши планы! Вы нам

всё испортили! От советской разведки нигде не скрыться, даже в гробу! – Немного успокоившись, добавила: – Тем не менее вы мне понравились!»

Перед тем как уйти, Михаил услышал, как Орлов сказал: «Позвоните мне по телефону». Выйдя на улицу, Феоктистов зашёл в ближайшую телефонную будку и позвонил Орлову. Трубку взял сам хозяин. Произошёл спокойный разговор двух бывших коллег. Задачей Михаила было вытянуть из памяти Орлова всё что нужно и получить необходимую информацию.

Он верил Орлову и считал, что если тот подтвердит, что никого не выдал, этого будет достаточно. Но Орлов тщательно избегал говорить по телефону о чём-либо, кроме общих тем. Телефонный разговор окончился, как только Феоктистов стал настаивать на личной встрече. Прощаясь, он сказал, что намерен вернуться в Анн-Арбор до конца 1969 года.

Однако это произошло лишь в феврале 1970 года. Приехав в Анн-Арбор, Феоктистов обнаружил, что Орловы скрылись, не оставив следов. Пришлось возвращаться в Нью-Йорк ни с чем. Только полтора года спустя он получил команду снова вернуться к этой операции. Летом 1971 года Михаил отправился на машине в штат Мичиган.

Деловую поездку он совместил с экскурсией на Ниагарский водопад, поэтому взял с собой находившуюся на последних месяцах беременности жену и дочь. Просмотрев список профессоров университета Анн-Арбор, Михаил убедился, что Орловы не вернулись, и принялся за поиски. Он начал обходить все библиотеки университетского городка и его ближайших окрестностей. В одной из библиотек ему повезло – он обнаружил советский журнал «Коммунист» № 11 за 1969 год. Это был тот самый журнал, который он заметил в квартире Орлова – на его обложке было чернильное пятно.

Он попросил библиотекаря проверить регистрационные записи и узнал, что пожилая русская пара покинула их город более года назад. «Однако, – сказала библиотекарша, – они уехали не очень далеко, поскольку говорили, что не хотели бы уезжать от могилы любимой дочери». Она любезно посоветовала Феоктистову, который выдал себя за старого друга семьи, поискать в Детройте, Толедо или Кливленде – трёх ближайших городах на берегах озера Эри.

Для начала Михаил поехал в Кливленд. Не найдя Орловых в списке местных телефонных абонентов, направился в центральную библиотеку, где имелись адресные книги пригородов Кливленда. Ему не хотелось называть фамилию разыскиваемых им людей, но и тут ему повезло. На этаже, куда его направили, никого не было, лишь за занавеской он услышал звуки любовного свидания и разглядел две пары ног.

Не теряя времени, бросился к стеллажам. Интуиция подсказала ему, что Орловы живут теперь под собственной фамилией, и он вытащил том на букву «О». И вот удача! Феоктистов без труда отыскал адрес Орловых, запомнил его и номер телефона. В это время из-за занавески вышел чернокожий служащий и спросил, чем может помочь. Михаил ответил, что вопрос сложный и он заглянет через неделю.

На следующее утро, 10 августа 1971 года, Михаил подъехал к дому, где жили Орловы. Оставив жену и дочь в машине, он вошёл в дом. Жена Орлова не сразу узнала Михаила – он был небрит, в шортах, сандалиях и спортивной рубашке. Увидев его паспорт, спросила: «Когда вы порвали с вашим правительством?» – предположив, что он тоже стал перебежчиком. Услышав, что он по-прежнему работает на своё правительство, она снова обыскала его и лишь после этого позволила говорить с мужем.

Александр Михайлович дружески пожал Михаилу руку, усадил на диван «подальше от современной техники» – телефона и радиоприёмника, и начался серьёзный, можно сказать дружеский, разговор, который растянулся на пять часов. Орлов рассказал всё, что интересовало Феоктистова. Из его рассказа явствовало, что он до конца остался верен своему слову.

Расставаясь с Михаилом, Орлов подарил ему свои книги, а прощаясь, обнял за плечи и сказал: «Мне бы человек двадцать таких молодцев, как ты, в то время, когда я работал, и теперь весь мир был бы советским, а во главе каждой разведки стояли бы советские сотрудники».

Феоктистов сказал супругам, что он уполномочен предложить им вернуться в СССР, где им будут предоставлены генеральская пенсия, квартира в Москве и гарантировано возвращение в США, если они передумают. Орловы поблагодарили, но сказали, что, во-первых, они не могут покинуть могилу дочери, а во-вторых, слишком стары, чтобы начинать новую жизнь.

Операция «Поиск» завершилась. Расставание было трогательным. Мария Вячеславовна, сжав руку Михаила, сказала: «Будьте верны себе и никогда, ни за какие миллионы не предавайте свою страну. Родина – это всё!» – и глаза её наполнились слезами. На прощание она вручила Михаилу торт для его жены и дочери. Но Михаил побоялся угощать им своих близких. Он привёз торт в резидентуру и сказал: «Вот, сами решайте, не отравлен ли он». И находящиеся в помещении сотрудники отведали подарок Марии Вячеславовны.

В 1971 году умерла жена Александра Михайловича, а через два года, 25 марта 1973-го, завершился и его жизненный путь.

Один из самых загадочных разведчиков времён Второй мировой войны, «шпион всех времён и народов», легендарный **Леопольд Треппер**, еврей по национальности, родился в 1904 году в небольшом местечке под Краковом, в тогдашней Австро-Венгрии. Во время Первой мировой войны к местечку подходили русские войска, и пронёсся слух, что в их составе находятся казачьи подразделения. Для евреев казаки всегда были связаны с погромами, поэтому семья Треппера, как и многие другие, бежала из местечка и поселилась в Вене.

Отец умер, когда мальчику было 12 лет. Леопольд брался за любую работу – каменщика, чернорабочего на металлургическом заводе, слесаря.

Сионистская организация «Гехалуц», финансируемая американскими евреями, помогла ему в 1925 году перебраться в Палестину. Но и здесь его ждала тяжёлая работа по осушению болот, от зари до зари приходилось стоять по колено в воде и тине, а ночью в палатке спасаться от москитов.

Постоянная борьба за существование привела Треппера к коммунистам. По его инициативе была создана организация «Единство», целью которой явилось объединение евреев и арабов против произвола предпринимателей. В 1928 году Треппера арестовали и после заключения в хайфской тюрьме выслали из страны.

С рекомендацией ЦК компартии Палестины он отправился во Францию. В Марселе работал мойщиком посуды, в Париже – мойщиком полов в крупных универмагах и одновременно ночным грузчиком на железной дороге. И, наконец, обрёл желаемую работу корреспондента в коммунистической печати. В Париж к нему из Палестины приехала жена Люба, в 1931 году у них родился сын Мишель.

Активность Треппера была замечена, руководство ФКП направило его в Москву в Коммунистический университет национальных меньшинств имени Мархлевского. По окончании университета Треппер становится сотрудником еврейской газеты «Дер эмес» и одновременно слушателем Военной академии. Блестяще владевший многими европейскими языками, Треппер был замечен компетентными органами и по окончании академии приглашён на работу в Управление разведслужбы Красной армии, которым руководил в то время знаменитый Ян Берзин.

В 1936 году в Москве родился второй сын, Эдгар.

В 1937 году судьба Треппера резко изменилась. Его пригласил к себе Ян Берзин, тогдашний начальник разведывательного управления Красной армии. Берзин доверительно поделился с ним своим пониманием обстановки, связанной с возрастающей агрессивностью немецкого фашизма.

Несмотря на то, что Сталин в то время всячески заигрывал с гитлеровской Германией и даже приказал свернуть разведывательную деятельность на её территории, Берзин понимал, что война с фашизмом неизбежна. Он предложил Трепперу приступить к созданию разведы-

вательной сети в граничащих с Германией государствах – Бельгии, Голландии, Франции. Идея состояла в том, чтобы сразу же после начала войны с Германией иметь готовую сеть для получения необходимой в этом случае разведывательной информации. Треппер согласился.

Вся подготовка операции заняла несколько месяцев. За это время Берзин был репрессирован и расстрелян, что в дальнейшем непосредственно повлияло на судьбу Треппера. А пока в начале 1938 года Треппер появляется в Брюсселе с документами на имя канадского бизнесмена из Квебека (ему помогло совершенное знание французского языка).

Ещё с Берзиным они выработали следующие принципы создания разведывательной сети. До начала войны сеть должна молчать. Необходимо было только установить связь с возможными будущими источниками информации. При этом информацию предполагалось получать не при помощи подкупа, а на идейной основе, привлекая к себе антифашистски настроенных людей. Тем не менее деньги для деятельности организации были нужны. С этой целью в Брюсселе и Париже были созданы легальные фирмы, доходы которых использовались для финансирования сети.

В 1940 году Трепперу было присвоено звание генерала разведки.

Поражают масштабы работы, проделанной Треппером за три года, до начала 1941 года. На территории Франции, Бельгии и Голландии, которые к тому времени были оккупированы немцами, а затем и в самой Германии были тщательно законспирированы десятки радиостанций, создано множество явочных точек, установлены связи с большим количеством источников информации. Всего к работе было привлечено более двухсот человек. Леопольд Треппер, или как называли его соратники, «Большой шеф», стал организатором и руководителем самой крупной и эффективной разведывательной сети, действовавшей во время Второй мировой войны в оккупированной фашистами Европе, в том числе в самом Берлине.

В мемуарах Треппера описывается множество конспиративных приёмов, которые использовались в его сети. Здесь и хитроумные пароли, содержащие защиту на случай провала, система резервных явок и связников, специальные условные знаки, которые информируют Центр о том, что радист захвачен врагом, и многое другое. Поражает то, что Треппер не проходил специальной подготовки по разведывательной деятельности, а, как отмечает сам, учился этому в процессе работы. А ведь в этом деле нельзя учиться на ошибках, так как первая же может оказаться роковой.

Как только началась Отечественная война Центр стал получать в большом объёме данные о производстве вооружения на немецких заводах, о перемещениях войск и их численном составе и даже о планах немецкого командования.

Фашисты были буквально поражены шквалом шифрованной информации, обрушившейся в эфир. Из – за низкого технического уровня тогдашней радиосвязи сам факт работы большого количества радиостанций не мог остаться незамеченным.

Гестаповцы поняли, что имеют дело с целой разведывательной системой и создали для борьбы с ней специальную зондеркоманду, дислоцированную в Париже. Желая подчеркнуть масштабность системы, они назвали её «Красная капелла». Под этим шифром в гестаповских архивах истории после войны находили множество документов.

Деятельность советской разведывательной сети была настоящим кошмаром для секретных служб Германии, во главе которых стоял адмирал Канарис. По оценке Канариса, деятельность этой сети «стоила Германии 200 тысяч солдатских жизней».

Немцам удалось запеленговать несколько радиостанций и арестовать радистов и связников. Были арестованы также некоторые люди, близкие к Трепперу.пытками занимались большие специалисты этого дела, специально привлечённые для работы по делу «Красной капеллы». Не каждому дано выдержать такие мучения. Не обошлось и без прямых изменников.

24 ноября 1942 года Треппер решил в сопровождении Гилеля Каца пойти к своему зубному врачу. Там его ждали гестаповцы. Оказалось, что одна из жён подпольщиков во время

следствия сказала, что «Жильбер» (Треппер) собирается посетить зубного врача. Так был арестован шеф «Красной капеллы».

Кац ждал Треппера на улице и не попал в руки гестапо. Начальник парижского гестапо Карл Гиринг торжественно сообщил Гитлеру и Гиммлеру: «Большой шеф арестован».

Гестаповцы понимали, что имеют дело с высокосовершенной и разветвлённой системой и не торопились окончательно расправиться с арестованными. Наступил январь 1943 года, когда фашистская армия потерпела поражение под Сталинградом. С этого момента начинается вторая страница подвига Треппера.

Высшие гестаповские круги теряют веру в военную победу. Они понимают, что в определённой ситуации им может понадобиться секретный канал связи с советскими руководителями. И Трепперу была предложена большая игра, состоявшая из двух этапов.

На первом этапе в обмен на сохранение жизни он должен был фактически стать двойным агентом с целью дезинформации Центра в Москве. Понимая, что действуя напрямую через одного из захваченных ими радистов, гестаповцы рискуют тем, что Центр с помощью специальных условных сигналов будет предупреждён. Они потребовали от Треппера связаться с Центром через известный только ему канал связи французской компартии.

И здесь проявилась воля Треппера в любой ситуации сражаться до конца. Ему удалось обмануть бдительность тюремщиков и передать две информации: одну, которую требовали гестаповцы и содержавшую обман Центра, и вторую, в которой Треппер сообщил о фактическом состоянии дела и, в частности, передал список радиостанций, попавших в руки врага.

В результате началась игра, о которой Центр был предупреждён, а немцам, не знавшим об этом, она стоила больших потерь. Гестаповцы, чтобы Центр не мог обнаружить подлога, вынуждены были наряду с дезинформацией передавать достоверные данные. Например, Центр, зная о том, что идёт игра, запросил номера дивизий, которые немцы планировали переместить из Франции на восточный фронт.

Гестаповцы, не подозревая о том, что игра раскрыта, полагали, что, если они передадут ложную информацию, советская разведка на фронте в последующем обнаружит это. Поэтому для продолжения игры они вынуждены были сообщать Центру истинные планы перемещения своих войск. Так продолжалось несколько месяцев, и высшее немецкое командование даже начало роптать, что гестаповцы в угоду успехам своего ведомства передают русским слишком много информации.

Наступило лето 1943 года. Немцы потерпели поражение под Курском и уже более серьёзно задумались о необходимости установления прямых контактов с Москвой. Идея таких контактов была одобрена на самом высоком уровне немецкого руководства, о ней знал даже один из главарей рейха Борман.

Для Треппера наступает второй этап смертельно опасной игры. Центру было послано сообщение с предложением направить в Париж личного представителя советского руководства. Центр ответил согласием и Треппер каждые десять дней под скрытым наблюдением гестапо являлся на место встречи. И вот, в один из этих дней он совершил невероятное.

Во время очередной поездки на место встречи, воспользовавшись десятиминутной заминкой охранников, Треппер бежал. Была поднята на ноги вся гестаповская система Парижа. Они буквально по пятам следовали за Треппером по явочным квартирам, но всё было тщетно. Целую неделю он метался по городу, вовремя замечая следы. В итоге он ушёл в глубокое подполье, в котором продержался 16 месяцев. За это время Треппер никогда не расставался с капсулой яда.

В 1944 году Треппер с группой участников Сопротивления участвовал в боях против отступавших гитлеровцев. В январе 1945 года союзники освободили Париж, и Треппер с оружием в руках сражается в рядах французских партизан. Он врывается в здание зондеркоманды,

которая занималась делом его «Красной капеллы», но гестаповцы уже постарались уничтожить многие документы. Треппер явился к советскому военному представителю в Париже.

В январе 1945 года Треппер, руководитель разведгруппы в Швейцарии Шандор Радо, его заместитель Александер Фут – всего 12 человек – сели в самолёт, который отправился в Москву. Специальным самолётом, кружным путём через Рим, Каир, Тегеран его доставляют в Москву. Здесь у трапа его встречает офицер КГБ и доставляет... прямо в тюрьму на Лубянке.

Он оказался козырной картой в подковёрной игре двух силовых ведомств. Рассказывают, что Абакумов, очень интересовавшийся личностью знаменитого разведчика, пришёл к нему в камеру, и после долгого разговора сказал: «Если бы ты работал на моё ведомство, то был бы сейчас дважды Героем».

Трагедия человека, столько сделавшего и пережившего. В тюрьме Треппер просидел почти 10 лет. Летом 1954 года его освободили и полностью реабилитировали. Характерно, что ему не было предъявлено никаких обвинений за его разведывательную деятельность. В день освобождения председатель КГБ признался, что вся «вина» Треппера состояла в том, что он был связан с расстрелянным Берзиным. Такова была суровая действительность того времени.

Поразительная деталь. Одновременно с Треппером в Лубянской тюрьме сидел начальник гестаповской зондеркоманды в Париже, отличившийся до этого ещё и расстрелом невинных людей в чехословацком селе Лидице. Герой и его враг-преступник оказались под одной тюремной крышей в Москве. В 1955 году гестаповец был освобождён. Ему в Западной Германии была назначена военная пенсия, он стал преуспевающим банкиром.

Треппер пережил и личную драму. В 1938 году он приехал в Брюссель с женой и двухлетним сыном. Старший шестилетний сын оставался в Москве. Незадолго до начала войны жену с младшим сыном вернули в Москву. Не исключено, что это было сделано не только из соображений безопасности, но и потому, что они могли быть использованы в качестве заложников. После того как Треппера посадили в Лубянскую тюрьму, жене сообщили, что муж погиб.

И вот в день освобождения в 1954 году его подвезли к халупе в пригороде Москвы, где жила семья. Жена была в командировке. Леопольд вошёл в дом, увидел своих уже взрослых сыновей и сказал: «Здравствуйте, я ваш отец». Они ответили: «Не может быть, наш отец погиб». Через два дня вернулась жена, и всё стало на свои места, но нетрудно представить себе остроту этой ситуации.

После выхода из тюрьмы спокойная жизнь для Треппера ещё не пришла. В 1957 году он с семьёй переехал в родную Польшу и здесь в течение 10 лет возглавлял Еврейское культурное общество. Затем в период правления Гомулки начался разгул антисемитизма. Большинство польских евреев покинуло страну. О своём желании переехать в Израиль заявил и Треппер. Непонятно, по каким причинам правительство Польши ему в этом отказало.

Его сыновьям Мишелю, Пьеру и Эдгару разрешили уехать, но самого Треппера не выпускали. К нему в Польшу дважды приезжал французский писатель Жиль Перро, который первым написал книгу о «Красной капелле».

В поддержку Треппера начались выступления мировой общественности. В Европе создавались «Комитеты Треппера», которые требовали разрешить Трепперу уехать. Но только в конце 1973 года Л. Треппер с женой Любой смог выехать на лечение в Лондон, откуда не вернулся в Польшу и уехал в Израиль.

Почти 20 лет «Красная капелла» служила мишенью для самых разных нападок. Они прекратились лишь в результате исследования, проведённого известным французским писателем и юристом Жилем Перро. В течение трёх лет он изучал документы, сопоставлял и перепроверял факты, опрашивал многочисленных свидетелей, в том числе оставшихся в живых членов «Капеллы» и самого Треппера.

Проведённое исследование убедило Перро в полной несостоятельности обвинений против разведчиков-антифашистов и в необходимости опубликовать полученные результаты,

чтобы уничтожить какие бы то ни было подозрения и восстановить честное имя Леопольда Треппера. Так появилась книга «Красная капелла». Она вышла во Франции в 1967 году и за очень короткое время была переведена на многие языки. Однако на русском языке она появилась только в 1990 году.

Книга Перро побудила Треппера написать собственную книгу – «Большая игра. Воспоминания советского разведчика». Она была издана в 1975 году в Париже, затем ещё в 15 странах на 17 языках, но не в Советском Союзе и не на русском языке. Лишь в условиях гласности в Советском Союзе стало возможным рассказать правду о легендарных разведчиках и их «Большом шефе». В 2005 году российским телевидением был показан телесериал «Красная капелла».

19 января 1982 года Леопольд Треппер умер в Израиле, в кругу родных и близких.

Анатолий Маркович Гуревич родился 7 ноября 1913 года в Харькове в еврейской семье. Отец, провизор Марк Осипович Гуревич (1870 – после 1952), был владельцем большой Мариинской аптеки М. О. Гуревича на углу Сумской и Ветеринарной улиц, которая служила явочной квартирой для революционеров-подпольщиков. Мать, Юлия Львовна (урождённая Винницкая, 1879–1959), работала в семейной аптеке фармацевтом-лаборанткой. После установления советской власти отец работал в РКИ и Народном комиссариате здравоохранения.

Слово «конспирация» Анатолий Гуревич узнал в детстве: квартира его отца, харьковского фармацевта, до революции была «явкой» для коммунистов-подпольщиков. В 1924 году семья Гуревичей из Харькова переехала в Ленинград, и Толя продолжил учёбу в одной из лучших питерских школ, где работали педагоги, преподававшие ещё в дореволюционных гимназиях. Любимыми предметами будущего разведчика были литература, обществоведение и особенно – немецкий язык.

Карьера Гуревича началась ещё в школе: мгновенно освоившись в большом городе, мальчик стал председателем школьного совета «Осоавиахима», премьером школьного драмкружка, «ворошиловским стрелком» и отличником ГТО, словом – активистом. После школы он поступил в институт железнодорожного транспорта, затем в институт «Интурист», готовивший «специалистов для работы с иностранцами».

Он входил в группу ПВО своего района, уже в 1934 году был допущен к совершенно секретной работе – составлению мобилизационного плана района. Так продолжалось до того момента, пока не прочитал, что начинается гражданская война в Испании. С товарищами решили организовать группу по изучению испанского языка и выразили желание попасть в эту страну как переводчики-добровольцы.

И вот в один прекрасный день их вызвали в гостиницу «Европейская», где люди в штатском побеседовали с каждым и некоторых отобрали для отправки в Испанию. Уже в Испании Гуревич впервые встретился со старшим советником при штабе Испанской Республики Григорием Штерном. Тот спросил: «Хочешь быть переводчиком и не только?» Анатолий согласился. Его оформили лейтенантом республиканского испанского флота и дали имя – Антонио Гонсалес. Участвовал в переходе подводной лодки «С-4» из Картахены в Барселону. В боевом походе спас жизнь капитану подводной лодки, командиру-подводнику И. А. Бурмистрову, первому из военных моряков, удостоенному звания «Герой Советского Союза».

В сентябре 1939-го вернулся в Москву. В ГРУ ему предложили работать в разведке. Сказали: «Будем вас готовить – станете шифровальщиком и радистом». Поучившись в подмосковной школе, получил первое задание – предстояла работа за границей. Он получил паспорт на имя уругвайца Винсенте Сьерра, сына богатых родителей. По легенде он приехал в Европу как турист, однако с целью наладить бизнес и заводить деловые связи. На изучение города Монте-

видео, в котором, якобы, родился, и его новой «биографии» Гуревич получил всего несколько дней. В Разведуправлении ему дают псевдоним – Кент.

У него не было чётких представлений о том, как ведёт себя молодой человек, «сын богатых уругвайских родителей». Подробного инструктажа не провели, и он действовал почти «на ощупь». Тогда многие советские агенты вынуждены были узнавать о политическом устройстве, промышленности и достопримечательностях своих «родных» государств исключительно из литературы. Иногда – только по энциклопедическому словарю... Их просто направляли в библиотеки, читать.

И откуда взяться профессионализму?! Собственной опытной и профессиональной агентуры ещё не было: страна молодая, традиция воспитания кадров и в этой сфере прервалась после 1917 года. Внешней разведкой тогда занимались почти исключительно чекисты. Трудно представить, но случалось, что и документы разведчикам выдавали с орфографическими ошибками!

Были и серьёзные проколы в «легендах»: информация о явочных местах, надёжных гостиницах и «дружественных» фирмах нередко оказывалась устаревшей, а их вымышленное прошлое рисовали настолько общо, что за рубежом в первых же непринуждённых разговорах они вынуждены были с ходу фантазировать. Анатолию это, к счастью, давалось легко: спасала любовь к лицедейству. Не прорабатывались и модели поведения на случай провала...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.